

Е. В. Сумко

«Западники» и «восточники» в феноменологии новой идентичности белорусов в XX веке

Сумко Елена Вячеславовна, Полоцкий государственный университет (Полоцк, Беларусь), кафедра истории и туризма, доцент, кандидат исторических наук, Sumko_elena@mail.ru

В докладе рассматривается специфика идентичности «западников» и «восточников», зафиксированная в коллективной памяти и картине мира населения Западной и Восточной Белоруссии. В качестве источников исследования рассматривались материалы устной истории, которые позволили проанализировать широкий спектр взаимных социокультурных стереотипов («западники – единоличники» vs «восточники – колхозники»), артикулированных в воспоминаниях.

Ключевые слова: устная история, социокультурные стереотипы, «западники», «восточники», Западная Белоруссия, Восточная Белоруссия.

После подписания в 1921 г. Рижского мирного договора, завершившего польско-советскую войну, Западная Белоруссия оказалась в составе Польского государства, а Восточная – в составе БССР, что отразилось на самоидентификации белорусского народа. Новая граница стала своеобразной линией ментального разлома и привела к появлению новых форм региональной идентичности населения Западной («западники») и Восточной («восточники») Белоруссии. Это разделение было особенностью социокультурного ландшафта Белоруссии XX в., однако наиболее рельефно этот ментальный разлом проявился в границах историко-этнографического региона Белорусского Подвинья, который был разделен в 1921 г. практически наполовину. «Да вот Дзвіна, яна была граніца. Мы былі васточнікі, а тут заападнікі – ў Дзісне. Бывала, што цераз Двіну пераклікаваліся. Называлі: „Васточнікі! Васточнікі!” А нашы крычалі: „Западнікі! Западнікі!”»¹. Система социальной категоризации – оппозиция «мы – они» («свои» – «чужие») является культурной универсалией и присуща самосознанию любого типа общности и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры². Анализ материалов устной истории показывает, что основными

факторами, которые влияли на содержательное наполнение антиномии «западники–восточники», являлись: различные типы социально-экономического уклада, отношение к религии, технической оснащенность и доступность промышленных товаров. Показательной является запись, сделанная в 2019 г. во время экспедиции Центра устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета в Миорском р-не, где разделение между «восточниками» и «западниками» объяснялось разным отношением к религии и имущественному состоянию: «Во-первых, отличаются очень в религиозном плане. Восточные – это и полное неверие, это и никаких особых икон в доме.» – «Ну, а по характеру, по отношению?» – «Я бы сказала, восточные – они были более прогрессивные, более цивилизованные, чем западные. Тут ещё долго ходили в лаптях всяких, а вот там этого не было»³. При сравнении польской и советской действительности одним из определяющих критериев в крестьянской картине мира была форма землепользования. Колхоз как один из главных атрибутов советского строя в сознании «западников» часто отождествлялся с бедностью, а для «восточников» – единоличная форма хозяйствования – с достатком. «Мы ж калхознікі былі, а яны ж былі там аднаасобнікі. Ані жылі багата. У іх у кождага лісапед... А ў нас жа, што гэты калхознік... – нічога ў нас не было»⁴. Однако это было достаточно условно и восприятие богатства или бедности зависело от разных факторов. Для некоторых респондентов, преимущественно коллективизированных восточных районов, маркером бедности, например, являлась домотканая одежда: «Як асвабадзілі, мальцы прыхадзілі (из Западной Белоруссии.– *Е.С.*)... беляны штаны і матузы, не гузікі! Беднасць была»⁵.

В 1920–1930-е гг. взаимные представления «западников» и «восточников» имели довольно размытый характер из-за ограниченности информационного поля. Окончательное конструирование региональных этнокультурных образов происходит уже после завершения Великой Отечественной войны, когда коммуникации между населением Западной и Восточной Белоруссии становятся интенсивными за счёт трудовой миграции и потоков нищих из опустошенных регионов страны. «Гэта ўжо большэ хадзілі „восточнікі“, патаму што ў „западнікав“, в западзе ж как-нікак адналічна жылі і ў іх была астаўшысь і зерна большэ там, і кабана какова-нібудзь можа вырашчвалі. А ў восточных – калхозы былі, там былі болей бедные»⁶.

Наполнение образов «западников» и «восточников» различными характеристиками происходило под влиянием разного уровня благосостояния населения и неодинаковых стартовых условий послевоенного восстановления. Наиболее рельефно разница между

«западниками» и «восточниками» фиксируется в воспоминаниях в зоне бывшего советско-польского пограничья, где переход уже несуществующей границы позволял сравнить условия жизни двух субрегионов с отличным социально-экономическим укладом (после освобождения от нацистов восстановление сельского хозяйства в восточных районах проходило на основе колхозно-совхозной системы, в западных районах в первые послевоенные годы преобладали единоличные хозяйства, которые обладали лучшим восстановительным потенциалом в условиях разрушенной экономики). Именно в этот период происходит формирование базового стереотипа о достатке «западников» и бедности «восточников». Связано это было с тем, что в этот период в «сытые» районы Западной Белоруссии прокладывались маршруты «вынужденных нищих» и трудовых мигрантов из районов, где нацисты в борьбе с партизанами проводили политику «выжженной земли». В большинстве случаев «западники» с состраданием относились к «восточникам», которые приходили просить подаяние: «Ну, хто што мог давалі – і хлеба давалі, і кармілі всегда»⁷. Однако в некоторых случаях «восточники» могли отождествляться с советскими порядками, которые были установлены после 1939 г., с другой системой ценностей, и тогда срабатывал механизм неприятия: «Няхай вас Сталін корміць»⁸. Необходимо отметить, что именно для Западной Белоруссии была свойственна более высокая степень антисоветского настроения. Некоторые респонденты, которые приехали по распределению из Восточной Белоруссии в западные районы отмечали, что в первые послевоенные годы ощущали негативное отношение к себе со стороны представителей местного населения: «хочаці верці, хочаці нет, западнікі ненавідзелі васточнікаў, так ненавідзелі ў то врэмя, што страх, тут і банды гэці»⁹.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что в первые годы после освобождения «западники» были основными продавцами на рынках и могли позволить себе распоряжаться ресурсами более свободно, в отличие от «восточников», для которых приобретения товаров первой необходимости было проблемой элементарного выживания: «Больші́нство былі з Западнай. Прадавалі масла, смятану, яйцо. Зберуць за нядзелю, ну і пручь тады. У каго конь свой быў, ен пасадзіць паню сваю, яна прадасць. Яны аднаасобнікі былі» – «А што яны куплялі?» – «Усё на свеце. Трапкі куплялі. Яны хлеб не куплялі. У іх хлеб свой быў»¹⁰; «У нас там, ужо ў васточнікаў, мы рады былі што нам хто-небудзь дасць кусочак хлеба. После вайны грошы ж у калхозе не давалі, а палачкі ставілі. Хлеба мы пачці не відзелі, пагаму што не была за што і купіць»¹¹.

Различный социально-экономический, политический и этнокультурный контекст создавал психологические барьеры между

«западниками» и «восточниками». Под влиянием предрассудков и эмоционально-насыщенных драматических событий, жители восточных районов пытались объяснить относительную послевоенную состоятельность жителей западных районов лояльным отношением немцев к единоличникам, что артикулировано в воспоминаниях: «Хадзілі у Западную мы после вайны, дык туда пойдзем дык яны нас ганялі там: „Тарбэшнікі прыйшлі”. Бо яны багацеі, немцы ж не чапалі там»¹²; «А ўсяроўна немцы як прыйшлі, вайна як стала, дык то былі западнікі, а мы былі васточнікі. Лучша атнасіліся к западнікам і яны іх не білі там гэтак. Дзярэўню спалілі перад адходам, перад фронтам, а людзей жа ня трогалі, як у нас. А ў нас жа палілі і людзей і ўсё было... Тут партызаншчына была ўся, а там жа адна паліцыя была...»¹³.

Социокультурная и ментальная дистанция между «восточниками» и «западниками» сохранялась на протяжении всей второй половины XX в. и в среде пожилых сельчан актуальна до нашего времени. Полевые материалы фиксируют постепенное смещение акцента с социальных и хозяйственных характеристик на своеобразие характера и темперамента, обусловленное спецификой различных культурных, исторических и экономических условий (замкнутый – общительный; трудолюбивый – ленивый). В начале XXI в. некоторым респондентам не чуждо проявление чувства юмора, когда речь заходит о региональной идентичности, что находит отражение в оценочных суждениях свекрови/зятя друг о друге или когда женщина вспоминает, что вышла замуж за «восточника» или мужчина женился на «западнице»: «А вы сами с Запада?» – «Не-не, я васточніца (смяецца). Я тут работала і тут вышла замуж за западніка. Негу ўжо майго западніка сем лет»¹⁴.

¹ Фольклорный архив Полоцкого государственного университета (далее – ФА ПГУ). 2019 г., инф. Маняк В. М., 1937 г.р. (родилась в д. Асяродки Верхнедвинского р-на), г. Дисна.

² «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб.: Алетейя, 2019. С. 25.

³ ФА ПГУ. 2019 г., инф. Пищуленок М. С., 1936 г.р., г. Дисна Миорского р-на.

⁴ Радзюк А. Савецка-польская мяжа ў калектыўнай памяці беларускага насельніцтва Докшыцкага раёну // АРСНЕ. 2009. № 8 (83). С. 97–114.

⁵ ФА ПГУ. 2018 г., инф. Снежин С. Г., 1923 г.р., д. Жигули Верхнедвинского р-на.

⁶ Там же. 2019 г., инф. Бабака Г. Т., 1927 г.р., г. Дисна Миорского р-на.

⁷ Там же.

⁸ Там же. инф. Патримайло Т.-Т., 1929 г.р., г. Дисна Миорского р-на.

⁹ Там же. инф. Якименко Л. Я., 1931 г.р., г. Дисна Миорского р-на.

¹⁰ Там же. 2018 г., инф. Гайбут В. К., 1941 г.р., д. Жигули Верхнедвинского р-на.

¹¹ Там же. 2019 г., инф. Маняк Р. В., 1939 г.р., (род. в д. Дретунь Полоцкого р-на). г. Дисна Миорского р-на.

¹² Там же. 2018 г., инф. Скачихин В. М., 1936 г.р., д. Муравьи Полоцкого р-на.

¹³ Радзюк А. Указ. соч. С. 112–113.

¹⁴ ФА ПГУ. 2019 г., инф. Маняк Р. В., 1939 г.р. (род. в д. Дретунь Полоцкого р-на), г. Дисна Миорского р-на.

UDC 39

A. V. Sumko

„Westerner“ and „Easterners“ as the Phenomenon of the New Belarusian Identity in the XX Century

Sumko Alena Vyacheslavovna, The Polotsk State University (Polotsk, Belarus), the Department of History and Tourism, associate professor, Ph. D. (History), Sumko_elena@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the identity of „Westerners“ and „Easterners“ recorded in the collective memory and world view of the population of Western and Eastern Belarus. The research is based on the materials of the oral history that allows to analyze the wide range of mutual social and cultural stereotypes („Westerners“ – self-employed farmers vs „Easterner“ – collective farmers), reflected in the memoirs.

Key words: oral history, social and cultural stereotypes, „Westerners“, „Easterners“, Western Belarus, Eastern Belarus.